

бога!». Сверху, из золотого круга, на них смотрит Христос, что можно соотнести с одним из последующих стихов того же псалма: «Господь съ небесе приниче над сыны человеческия».

Наконец, «нечестивии» изображаются в виде чертей, и на этой детали следует остановиться подробнее. Все изображения этой книги и их детали, даже самые мелкие (например, огонь факелов, перья в крыльях ангелов и др.) — красочные и отделаны филигранно, все же фигуры чертей — темные, силуэтные. Такая контрастность увеличивает экспрессивность и впечатляемость их изображений.

В образ «нечестивых» черти Киевской псалтири входят постепенно, сначала лишь как сопровождающий элемент, а потом уже самостоятельно, заменяя их. Впервые они появляются в иллюстрации начала псалма 10-го: «На господа уповах — како речеть души моеи, привитай по горамь яко птица; яко се грешници напягоша лук, уготоваша стрелы втуѣ (так! — *Н. Р.*) състреляти въ мраце правыя сердцемъ» (л. 13 об.) (рис. 1). На высокой, узкой горе сидит птица, а под горой — две динамические фигуры «нечестивых», стреляющих вверх из луков: один — с колена, другой — как бы замерев в беге. Ниже, еще более экспрессивны, две маленькие сероватые крылатые фигурки, протягивающие вверх, к стреляющим «нечестивым», тонкие, как комариные ножки, руки. Фигурки этих чрезвычайно живых подстрекателей еще больше динамизируют всю эту сцену.⁵

Находка, вероятно, понравилась художнику Киевской псалтири, и он повторяет изображения чертей вскоре, около текста 16-го псалма. В нем есть фраза «изми душу мою от нечестивых», к которой привязано обычное изображение Давида перед Христом. Иллюстратору этого показалось мало, и он ниже нарисовал двух таких же маленьких крылатых силуэтных чертей; в руках у них тонкие длинные крючки, которыми они замахваются на ближайшие строки текста. У этих миниатюрных фигурок есть новая деталь — взъерошенные волосы, какие обычно рисовались на головах дьявола, демонов и другой «нечистой силы». Найденная иллюстратором композиция повторяется около 30-го псалма: опять Давид беседует с Христом, а под ними летят вниз головами в бездну те же крылатые и лохматые силуэтные черти, выронив свои крючки. Эта иллюстрация привязана к тексту: «Да постыдятся нечтивии и снидуть в ад». Еще два изображения черта в дальнейшем уже тесно связаны с текстом; первое из них, являясь деталью композиции, связано с текстом даже крепче, чем основной персонаж. Около стиха 108-го псалма «постави нань грешника и диявол да станеть одесную его» выразительно нарисован повесившийся Иуда и рядом с ним (слева от зрителя) — знакомая черная крылатая, но на сей раз статичная фигура. У начала 127-го псалма изображен умирающий «праведный»; ангел вынимает из него душу, к которой тянется та же маленькая черная крылатая фигурка (справа была, очевидно, такая же, но ее обрезали при переплетении книги: остался только профиль). А в сложной многофигурной композиции страшного суда на л. 180, где в адском пламени сидит сам сатана, а два рослых черта толкают группу людей в ад (им помогает ангел, влетевший тоже в ад), — опять две динамичные фигурки маленьких чертиков. Один из них летит навстречу идущим в ад, как будто приветствуя старых знакомых, а второй крючком

⁵ Не совсем понятна еще одна фигура этой композиции — стоящий сверху, между птицей и «нечестивыми», молодой человек с распростертыми руками. Надпись над ним гласит «Діасо»; если принять ее за греческую, то можно рассматривать ее как начало слова, производного от глагола «διασπρέω» со значением «разгонять». Вероятно, в роли такого «разгонителя нечестивых» и нарисован здесь этот персонаж, хотя в тексте псалма он не упоминается.